Ранее утро следующего дня.

– Какое-то время просто молчи, – специально предупредил Ли Цзинлун, разбудив Хунцзюня.

Осень вокруг Отдела сгустилась, посаженные во дворе клены покраснели, но зонтичное дерево сохранило свою зеленую весеннюю листву. Можно было бесконечно смотреть на контраст красных и зеленых листьев и отражения голубого неба с облаками на поверхности пруда.

Две мертвые и одна тяжело раненая лисицы были разложены во дворе. Последняя, казалось, была среди них самой молодой, ее тело изрешетили раны. Сначала в нее попал нож Хунцзюня, а задние лапы сгорели из-за А-Тая до такой степени, что лисий меч обуглился и посыпался, обнажив сырую плоть. И, наконец, стрела Ли Цзинлуна практически оборвала жизнь яо, пронзив той живот и спину. Наконечник стрелы Мо Жигэня был зазубрен, вытащить ее можно было, только протянув всю стрелу через плоть. И это заставляло лисицу выть от боли.

Хунцзюнь использовал эликсир, который он забрал из дворца Яоцзинь, чтобы остановить кровотечение, в конечном итоге это и спасло жизнь маленькой лисице.

– Эта самая сильная, – сказал Цю Юнсы, сделав несколько неуверенных шагов вперед и указав на самую крупную особь. – Эту убил Мо Жигэнь, стоило ей выбежать за дверь, поэтому не могу утверждать наверняка. Выжившая же самая молодая из всей этой компании.

Маленькая лисичка плотно закрыла глаза и не шевелилась.

– Показать тебя командиру Ху, Цзинь Юнь, м? Чтобы он мог посмотреть на тебя, – Ли Цзинлун наклонил голову и внимательно посмотрел на яо. Затем мужчина спросил: – Больно, не так ли?

Лиса неожиданно открыла глаза и отвернулась.

– Цзинь Юнь, Ту Ин, Цзы Ин, – Ли Цзинлун бросил на пол стопку бумаг. Верхний лист содержал фальшивые имена трех женщин, пропавших прошлой ночью из «Иши Ланя». – Родом

из Синьяна, шестнадцать лет. Вы втроем приехали в Чанъань из того же города, что и подруги, чтобы найти место где обосноваться. Если бы вы были существами, что стремятся сбросить свою звериную форму и зажить как люди, вы бы стремились к добру, и все было бы прекрасно. Самое большее, я бы прогнал вас из столицы.

Ли Цзинлун замолчал, сел на ступени перед входом в зал, продолжая смотреть на молодую лису. Он продолжил чеканить слова:

– Но почему вы твое решили убивать людей?

Лисица не ответила.

– Кто был тем мертвецом? – холодно спросил адъютант. – Говори.

Яо все так же не отвечала.

– Даже если не будешь говорить, я все выясню. Я даю тебе последний шанс: кто убил того человека?

Лиса хранила красноречивое молчание, и Цю Юнсы предложил:

– Убьем ее и дело с концом.

После надолго воцарившегося молчания Ли Цзинлун наконец-то сказал:

– Давайте закроем это дело. Юнсы, напиши отчет. Завтра утром я передам его канцлеру Яну. Давайте передадим эту лисицу Ху Шэну и расскажем, что случилось. Полагаю, его подчиненные уже успели донести ему события вчерашнего вечера. Что насчет остального, пусть сам разбирается. Сначала запрем эту лисицу, а потом разойдемся и займемся своей работой.

Мо Жигэнь запер лисицу в клетке на боковом дворе, Цю Юнсы наклеил на нее множество талисманов, чтобы яо не убежала. Однако меры эти были излишни, она не собиралась никуда бежать, у нее просто не было на это сил.

Когда все снова собрались, А-Тай нахмурился и сказал:

– Поверит ли он нам?

Хунцзюнь вопросительно посмотрел на А-Тая.

– Теперь можешь разговаривать, – сказал Ли Цзинлун Хунцзюню.

Юноша как раз собирался задать все интересующие его вопросы, но Ли Цзинлун уже отвечал на предыдущий:

– Отправьте это в Лунъу, а затем прислушивайтесь ко всем странным происшествиям. Отыскать яо во дворце – все равно что пытаться найти иголку в стоге сена. Это значительно упростит процесс.

– Но вдруг кто-нибудь придет спасти ее? – предположил Мо Жигэнь.

В этот момент Хунцзюнь наконец-то понял, что экзорцисты задумали. В глубине души он подумал: «Как умно!» Ли Цзинлун только обманывал лисицу, говоря, что это дело уже закрыто, однако он планировал выманить еще больше яо.

– Вы собираетесь выманить змею из норы[1]!

[1] Выманить змею из норы (кит. □□□□) – разоблачить злоумышленника.

Четверо экзорцистов молчали, пока Ли Цзинлун не кивнул Хунцзюню.

– М, умно, – сказал он и тут же продолжил. – Кто-нибудь обязательно придёт, чтобы спасти ее или убить, дабы сохранить тайну. Понимаете, она достаточно умна и знает, что ей нужно молчать, чтобы выжить. Ее соратники также должны понимать, что она сообразительна, поэтому не допустят никаких утечек информации и не позволят ей жить. Если же Ху Шэн поможет ей бежать, то нам останется только выследить ее.

Мозг Хунцзюня кипел от наплыва информации, но тут ему в голову пришла абсурдная мысль, что люди перед ним и есть настоящие яо.

– Это очень серьёзное дело, – заметил Цю Юнсы.

– Давайте выдвигаться, – сказал Ли Цзинлун. – Надеюсь, мы сможем воспользоваться этим планом, чтобы выманить по-настоящему крупную добычу.

А-Тай, Мо Жигэнь и Цю Юнсы наконец-то посмотрели на своего адъютанта в новом свете. Теперь Ли Цзинлун казался им совсем другим, особенно после демонстрации прекрасных навыков прошлой ночью. Закончив говорить, Ли Цзинлун встал, и остальные молодые люди последовали за ним. Однако мужчина сказал им:

– Вы, ребята, отдыхайте. Хунцзюнь, пошли вернем кошку.

– Я куплю еще пыльцы, – улыбнулся Юнсы.

Посмотрев на Цю Юнсы, адъютант кивнул. Заставив Хунцзюня крепко обнять кошку, он вместе с ним ушел.

Как только двое молодых людей ушли, выражения лиц оставшихся троих изменились.

– Прошлой ночью вы не видели, но, – начал Мо Жигэнь, – он рисковал собственной жизнью, чтобы защитить Хунцзюня и гвардию, которая ворвалась внутрь, когда появилась вторая трехвостая лиса. Обычный человек с таким мужеством – редкость.

А-Тай на мгновение задумался. Пройдясь по двору, он сказал:

– Может, ему действительно по силам победить короля яо?

Цю Юнсы, присев на корточки под карнизом коридора, запротестовал:

– Вы судите только по случившемуся вчера? Не слишком ли рано вы начали им восхищаться?

– Я даже подумал уехать несколько дней назад! – грустно сказал А-Тай, уперев руки в бока. – Знаете ли вы как я был разочарован? А? Разве я не имею права на мечты?

– У-у-у, тохаристанская неженка – фыркнул Чжао Цзылун.

Он только что проснулся и, разыскивая съестное среди рыбьего корма у пруда, спросил:

– Вы трое с самого начала составили дружную кучку?

Все забыли, что и у стен есть уши, и замерли. На этот раз у них были серьезные проблемы.

У А-Тая внезапно возникла идея, он сказал:

– Цзылун-сюн, какая рыбка тебе по вкусу? Я куплю тебе одну.

Карп яо проглотил свой корм и ответил:

– В этом нет необходимости, мне нужно попрактиковаться в воздержании для совершенствования. Но мой малыш Хунцзюнь все еще нуждается в ваших советах и указаниях. Я сделаю вид, что ничего не слышал.

И стоило экзорцистам вздохнуть с облегчением, как карп яо добавил:

– Но…

Молодые мужчины сразу же почувствовали, как сердца снова подскочили к горлу.

– Вы все такие неорганизованные, – вздохнул Чжао Цзылун. – Если вы не способны объединиться, чтобы поймать лису, то как вы победите короля яо в Чанъане?

– Ай, рыбий брат, ты ошибаешься. Мы искренне обеспокоены тем, что адъютант Ли может пострадать или умереть.

– Все жизни равны, – заметил Цзылун. – Когда тот монах освободил меня, он сказал, что быть человеком хорошо, но быть яо тоже неплохо. У каждого есть что-то, что он хочет защитить. Разве не к этому все сводится в этом мире?

А-Тай, Цю Юнсы и Мо Жигэнь замолчали.

– Нам действительно нужно в ближайшее время найти возможность, – сказал Цю Юнсы. – На мой взгляд, нет смысла что-либо скрывать от него. Вместо этого нам стоит серьезно поговорить с адъютантом и раскрыть наши карты.

Закончив с кормом, Чжао Цзылун пробормотал себе под нос:

– Я должен помочь Хунцзюню постирать одежду.

После он подтащил стиральную доску к краю колодца и, подперев ее одним краем, вытащил рубашки и штаны Хунцзюня, стал тереть одну вещь за другой.

Каждый молодой экзорцист сгорал от стыда, получив порцию упреков. Они так долго укрощали яо, но их пониманию мира все еще было далеко до понимания мира карпа. Они действительно оказались самыми узколобыми здесь.

Снаружи еще стояло раннее утро. Ли Цзинлун шел впереди, а Хунцзюнь плелся сзади с кошкой в руках. Они шли в поместье Циньго, чтобы вернуть проказницу.

– Присмотрись к людям в Циньго, – посоветовал Ли Цзинлун Хунцзюню. – Лицо человека может о многом рассказать.

Хунцзюнь подумал, что Ли Цзинлун достоин восхищения, но у него также было множество трудностей в жизни. Как он достиг того положения, где стоял раньше, если все вокруг смотрели на него свысока? Это действительно находилось за гранью понимания Хунцзюня. Однако Чун Мин уже когда-то объяснял, что у каждого есть своя собственная мораль, и многого можно добиться, не используя одну лишь силу.

– Но Чжао Цзылун говорит, что я не разбираюсь в людях, – вздохнул юноша.

– Мы живем в обществе, поэтому не бывает так, чтобы кто-то не разбирался в этом, – только и сказал мужчина. – Все в порядке, не заставляй себя. Просто, когда мы придем, постарайся вести себя тихо.

Как только Ли Цзинлун и Хунцзюнь внесли кошку на территорию поместья, привратник громко закричал:

– Цин вернулась!

– Быстрее! Быстрее! Цин-эр вернулась домой!

Развернувшаяся перед глазами сцена была исключительна, и даже адъютант почувствовал себя в высшей степени неловко. Домоправитель сам вышел поприветствовать их, Ли Цзинлун открыл рот:

– Это…

Но не успел он закончить вопрос, как домоправитель выхватить кошку из рук Хунцзюня и радостно завопил:

– Это она, это она! Где вы нашли ее?!

За считанные мгновение дом преобразился так, будто его посетил сам император. Песни и танцы заполонили поместье, когда служанки и слуги радостно вынесли кошку за пределы главного зала. Домоправитель усадил ее на главное сиденье, но не раньше, чем там оказалась мягкая шелковая подушка. Затем он принес нефритовый коробок, наполненный морскими огурцами, сомом и другими редкими продуктами, и пустую светящуюся позолотой чашу, куда налили свежую родниковую воду из нефритового кувшина.

В течение последних двух дней эта кошка в Отделе не ела ничего, кроме маринада с рисом, поэтому, вернувшись, она начала пожирать все на своем пути. Поведение по отношению к ней радикальным образом изменилось.

– Поторопитесь и поклонитесь капитану Ли! – прикрикнул домоправитель.

Слуги, будто тучи, собрались и стали в ряд. Они трижды поклонились.

Ли Цзинлун потерял дар речи.

– Он – адъютант Ли! – поправил Хунцзюнь.

Лицо Ли Цзинлуна резко подурнело, и он, поднявшись, собрался уходить, однако домоправитель поспешил остановить его:

– Госпожа ушла во дворец, пожалуйста, подождите ее. Она поблагодарит вас лично!

Ли Цзинлун махнул рукой, мол, в этом нет нужды, но когда он собирался позвать Хунцзюня за собой, юноша увидел выпечку на столе и вспомнил, что не завтракал. Он немедленно стал проглатывать один десерт за другим, словно голодный волк. Разум его выбросил Ли Цзинлуна за пределы головы и девяти небес.

– М-м-м, так вкусно! – сказал Хунцзюнь, попивая чай.

Ли Цзинлуну оставалось только представить юношу:

– Это мой подчиненный.

– Дракон и феникс среди людей[4]! Дракон и феникс среди людей!

[2] Дракон среди людей (кит. □□□□) – о человеке высоких качеств, любящем оставаться незамеченным, держащемся в тени, не желающем занять высокий пост. Феникс среди людей – мудрый и выдающийся человек.

Если бы не статус, домоправитель бы тоже опустился перед ними на колени. Он подошел и потянул Ли Цзинлуна за руку.

– Мы должны на этот раз поблагодарить адъютанта Ли от всей души. Вы и правда спасли нас!

Этот мужчина отличался красноречием. Несколькими днями ранее, когда Ли Цзинлун пришел расспросить о животном, он едва ли был готов сотрудничать и совершенно не верил, что кошку удастся отыскать. Нахлынувшие эмоции сделали домоправителя непоследовательным, и это только сильнее бередило старую рану Ли Цзинлуна.

Ли Цзинлун окинул взглядом поместье, но не заметил ни одной бегающей служанки или человека со странным лицом. Разочарованный,мужчина попросил Хунцзюня есть быстрее. Как только он закончит, они уйдут.

Хунцзюнь же сейчас пил чай и жестом попросил Ли Цзинлуна подождать. Впервые юноша пробовал такую вкусную выпечку, он даже схватил еще несколько.

– Этот смиренный немедленно приготовит для вас еще и отправит их в Отдел экзорцизма! – предложил домоправитель.

Ли Цзинлун едва не дымился от гнева. Он решительно сменил тему:

– Когда кошка сбежала, в поместье еще кто-нибудь приходил?

– В ту ночь консорт, принцесса Гого и канцлер Ян были в гостях, – ответил домоправитель. – Мы тогда были так заняты, что постоянно отвлекались…

Ли Цзинлун нахмурился. Хунцзюнь тоже услышал домоправителя и остановил процесс поглощения пищи. Он взглянул на адъютанта.

– Доедай и пойдем, – сказал Ли Цзинлун.

Домоправитель попытался заставить их остаться, но Ли Цзинлун махнул рукой и потащил Хунцзюня за собой. Мужчина хотел предложим им золото в качестве благодарности, и Ли Цзинлун не выдержал. Он обернулся и сказал:

– Это было так же просто, как руку поднять, тут не за что благодарить.

После этого Ли Цзинлун обратился к Хунцзюню:

– Солдаты Великой Тан, сражающиеся на границе, получают не более двух серебряных таэлей в месяц в качестве военного жалованья. Им хуже, чем одной кошке госпожи Циньго. Если бы эти деньги были просто вознаграждением предков за наши заслуги, никто бы не стал жаловаться. Однако кто знает, откуда берутся деньги на это вот все.

Домоправителя сильно задело это высказывание, и он на некоторое время задумался. Как раз в тот момент, когда он собирался разозлиться и накричать на Ли Цзинлуна, он с Хунцзюнем уже ушел. Мужчине оставалось только подавить свой гнев.

– Ты только и можешь, что кошек искать, – мрачно пробормотал домоправитель.

Ли Цзинлун сделал вид, что не услышал, и пошел с Хунцзюнем в Ревизионную палату, чтобы проверить архивы. Юноша вытащил одно пирожное и протянул его адъютанту.

– Вот.

– Я не ем кровь и пот народа, – сказал Ли Цзинлун.

– Это зовется кровью и потом народа[3]? Оно очень вкусное. Попробуете? Я знаю, что вы, на самом деле, хотите попробовать. Почему то, что вы говорите, никогда не совпадает с тем, что вы думаете? Это ведь нехорошо…

– Дело не в том, что мои слова не совпадают с мыслями! Я действительно не хочу!

[3] Кровь и пот народа (кит. □□□□) – обр. пот и кровь, деньги, заработанные потом и кровью; народные деньги. «□» [gao] созвучно с «□» [gao] в значении «пирожные», поэтому дословно можно перевести как ‘пирожные из крови и пота народа’.

Вдвоем они продолжили толкать и дергать друг друга на улице. Ли Цзинлун понятия не имел,

как удержать Хунцзюня, и не мог побить его. Множество зевак собралось, чтобы понаблюдать за этим зрелищем. И адъютант, видя, куда все идет и что назревает спор, мог только смириться с этим.

Изделия, взятые Хунцзюнем, назывались золотыми кругляшами. Сделаны они были из слоя кристаллической рисовой муки, обернутой вокруг яичного желтка, сыра, османтуса и меда первой откачки. Ли Цзинлун говорил, что не хочет есть, но голодный желудок предал его, и мужчина взял и съел кровь и пот народа.

– Так вкусно! – сказал Хунцзюнь.

– Угу…

Ли Цзинлун и Хунцзюнь шли по главной улице. Но адъютант то и дело поднимал глаза, осматриваясь по сторонам: он боялся, что его увидят другие.

– Возможно ли, что главный яо находится подле императора? – спросил Хунцзюнь.

Ли Цзинлун нахмурился.

– Если это так, то Его Величеству грозит опасность…

– Нет, это не так, – Хунцзюнь обернулся и, остановившись перед небольшим переулком, продолжил. – Сын Неба, когда он находится среди смертных, находится под заботой и благословением Полярной звезды. Даже если есть еще более могущественные яо, у них нет возможности напрямую наложить свои заклинания на Сына Неба. Но может ли этим яо оказаться канцлер Ян? Или это госпожа Гого? Что, если это Ян-гуйфэй?

– Невозможно, – немедленно возразил Ли Цзинлун, даже не задумываясь о возможности подобного.

– Почему же? – смутился юноша. – Разве это не логично?

Слова Хунцзюня тут же заставили Ли Цзинлуна очнуться, он на некоторое время потерял дар речи. Эта догадка пронзила мысли мужчины насквозь. Канцлер Ян или супруга с ее сестрами –

все доверенные люди вокруг монарха могли оказаться яо?!

Ли Цзинлун взглянул на юношу и сказал:

– Пойдем, чего застыл?

Хунцзюнь посмотрел на прилавок с лапшой рядом и снова повернулся к Ли Цзинлуну, стоящему с непонимающим выражением лица.

– Взгляните, как хороша эта лапша! Адъютант, не желаете попробовать?

За прилавком владелец растягивал тесто и бросал золотистую лапшу в чан, вода кипела и пузырилась. Когда лапшу вынули и положили в чашку, сверху положили тушеную свинную ногу, соевые бобы, сушеный тофу и другие вкусности, а после все это украсили горстью специй. Божественный аромат проник в носы молодых экзорцистов.

– Ты разве пирожных не наелся? – спросил Ли Цзинлун. – Почему снова голоден?

Мужчина вспомнил стратегию Хунцзюня в поместье, когда он отказался куда-либо идти, увидев еду. Адъютант также боялся, что если он откажется, то над ним будут смеяться, поэтому Ли Цзинлун сразу же сказал:

– Хорошо-хорошо, ешь-ешь.

Ли Цзинлун заказал лапшу и сел, что дало ему хорошую возможность переварить идеи в голове.

Когда они вдвоем сели, вокруг Ли Цзинлуна образовались грозовые тучи. Размышляя, адъютант подумал, что движения этой кошки вели их в каком-то определенном направлении. Жаль, она не могла открыть рот и сказать им все. Кроме того, они, казалось, позабыли о чем-то важном из-за пыльцы Лихунь. Поэтому они только и могли что пытаться и гадать.

Если в семье Ян действительно были яо, это бы стало серьезной проблемой, а вдруг Ян Гочжун и его братья с сестрами – все являются яо?! Ли Цзинлун не осмеливался думать об этом дальше. Пока он находился в размышлениях, его внимание снова переключилось на Хунцзюня.

Юноша уже взялся за третью миску.

– Ты всегда так много ешь? – спросил Ли Цзинлун.

– Я еще расту, – растерялся Хунцзюнь. – Что плохого в том, чтобы много есть? Я же не семью вашу объедаю.

Ли Цзинлуну нечего было на это ответить.

– Когда-нибудь придет время кому-то заботиться о тебе, и на скопленные деньги они не смогут купить тебе еды, – сухо сказал Ли Цзинлун, отводя взгляд.

– Я сам о себе позабочусь, – честно ответил юноша. – Мой отец дал мне много денег. Моя цель – попробовать все вкусности этого мира. Людская еда невероятно хороша!

– Людская?

Услышав этот вопрос, Хунцзюнь осознал, что был небрежен. Однако Ли Цзинлун прекрасно чувствовал атмосферу, поэтому пропустил странную фразу мимо ушей.

– У вас у всех есть деньги, – Ли Цзинлун отсчитал несколько медных монет, чтобы Хунцзюнь больше не ел. Мужчина боялся, что юноша переест. Хунцзюнь хотел сам заплатить, но Ли Цзинлун ему не позволил. – Вы все – богачи, один лян пыльцы стоит восемьсот таэлей. Бедняк бы не стал экзорцистом.

Три тысячи двести таэлей за пыльцу висели долгом, который еще предстояло погасить, а все

свои сбережения Ли Цзинлун потратил на восстановление здания Отдела. Заплатив за обед Хунцзюня, он, к тому же, потратил сумму, эквивалентную двухдневным расходам на пропитание. Оставалось только ждать распределения зарплаты за следующий месяц. На лице адъютанта отпечаталось огромное беспокойство, но он не знал, как сказать об этом Хунцзюню, поэтому просто сжал зубы и стерпел.

У него осталось двенадцать медных монет. Если за эти несколько дней он не пойдет есть в харчевнях, а останется обедать в отделе, то… сейчас двадцать шестое число, продержаться до пятого числа следующего месяца будет несложно.

Хунцзюнь впервые посещал Ревизионную палату. Изначально он думал, что это храм[4], но это оказалось простое правительственное здание. Чиновники сновали туда-сюда по своим делам перед угрожающе выглядящим главным залом, как внезапно из его глубины раздался страдальческий вопль. В воздухе витала тяжелая атмосфера ярости, из-за которой люди вокруг чувствовали себя неловко.

[4] Ревизионная палата на китайском □□□ [Dàlǐsì], где □ [sì] – (часто) буддистский храм, отсюда и замешательство Хунцзюня.

С точки зрения логики, когда экзорцисты отыскали тело и поймали яо, дело должно было быть закрыто, однако Ли Цзинлун чувствовал, что тело, которое сожгли лисицы, явно было подозрительным. Кто бы не стоял позади всего этого, очевидно, что он не желал, чтобы расследование продолжалось. Дело кошки и лис яо полнилось подозрительными пробелами, и чем больше их было, тем яснее адъютант чувствовал, что он просто не может закрыть дело. Складывалось впечатление, что за всем этим скрывалась еще более сложная и запутанная головоломка. И именно ее следовало разгадать.

Вдвоем Ли Цзинлун и Хунцзюнь долго осматривали архив, когда юноша вдруг обратился к мужчине:

– Взгляните на это.

Теперь Хунцзюнь в целом понимал ход мыслей своего начальника: многое, что казалось на первый взгляд нормальным, могло скрывать странности. Например, трое ученых прибыли в Чанъань сдать имперский экзамен, они остановились в одной из гостиниц на несколько дней, но неожиданно сбежали, не заплатив. Хозяин не смог получить денег и обратился в Ревизионную палату. Судя по деталям, им было от тридцати до сорока лет.

– Мы берём это с собой, – Ли Цзинлун вытащил листок бумаги и положил его на стол, чтобы надлежаще оформить процедуру передачи дела из Ревизионной палаты в Отдел экзорцизма. Увидев это дело, чиновник громко рассмеялся и издевательски сказал:

– Отдел экзорцизма помимо поиска кошек теперь и должников ищет?

Ли Цзинлун даже не потрудился удостоить этого человека ответом. Он ушел, как только поставили печать. Теперь они с Хунцзюнем отправились в штаб гвардии Лунъу.

Тренировочный двор широко раскинулся за пределы казарм Лунъу. Когда-то Юйчи Цзиндэ создал армию Сюаньцзя для Ли Шиминя[5], которая спустя годы изменений разделилась на Шэньу и Лунъу. Несмотря на то, что столица была перенесена в Лоян до того, как ее вернули в Чанъань, тренировочный двор остался таким же великолепным, как и в самом начале. Было утро, и сейчас войска проводили учения на поле. Мо Жигэнь, А-Тай и Цю Юнсы уже давно принесли клетку, Ли Цзинлун попросил Хунцзюня подождать с ними снаружи, а после вошел к Ху Шэну с клеткой в руках.

[5] Юйчи Цзиндэ (кит. □□□) – знаменитый генерал ранней династии Тан (585 – 658 гг.). Был одним из генералов Ли Шиминя, одного из величайших китайский императоров, во время его кампании против известного генерала династии Суй Ван Шичуна. Внёс значительный вклад в основании династии Тан. Армия Сюаньцзя («армия в чёрных доспехах») была сформирована как часть компании против генерала династии Суй Ван Шичуна.

– Ха-ха-ха! Ли Цзинлун поймал яо, смотрите! Это лиса!

Войска Лунъу не могли удержаться от издевательств. Они подумали, что Ли Цзинлун случайно поймал лисицу снаружи и притворился, прикрепив к клетке какие-то талисманы, чтобы нагнать страху перед приходом.

– Похоже нашего адъютанта товарищи уважают, – улыбнулся А-Тай.

Мо Жигэнь очень сильно хмурился, как будто его беспокоила ситуация Ли Цзинлуна.

– По логике, такой умный человека, как он, должен знать, как быть гибким, и, таким образом, оставаться успешным. Почему же он столь невежествен в подобном? – сказал Мо Жигэнь.

– У простых людей есть свои собственные проблемы, – отозвался Цю Юнсы. – Он сам должен развязать свои собственные узлы.

Хунцзюнь каждый день слышал эти красноречивые споры, и каждый раз он терялся в облаках и тумане, поэтому он удержался и спросил:

– Не могли бы вы, ребята, говорить немного понятнее?

Все трое обратили свои лица к Хунцзюню. Экзорцисты странно улыбались.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – с озорной усмешкой сказал А-Тай приподняв подбородок юноши синим с позолотой складным веером. – Мы, гэгэ, беспокоимся о тебе. Разве это плохо?

– Не обращай на него внимания, – Мо Жигэнь положил руку на плечи Хунцзюня и притянул его к себе.

– Мо Жигэнь, ты все делаешь не так, – возмутился Цю Юнсы. – Крадешь людей у адъютанта?

– Он мне как младший брат, – улыбнулся молодой мужчина. – Что не так?

– У тебя есть брат? – удивился Хунцзюнь.

– У меня четверо младших братьев и две младшие сестры, – ответил Мо Жигэнь.

Хунцзюнь и не думал, что Мо Жигэнь, на самом деле, – старший ребенок в семье.

Неудивительно, что он питал к нему такие теплые братские чувства.

– Что случилось сегодня? – тепло спросил А-Тай.

Хунцзюнь подумал, а после в общих чертах рассказал обо всем, когда к ним подошли солдаты, окружили их и сказали:

– Эй! У мечей и копий нет глаз. Не слоняйтесь по двору, идите в другое место!

Хунцзюнь надел случайную одежду, которую он купил после приезда в Чанъань. Хотя А-Тай и выглядел роскошно, он явно был из племени Ху, Мо Жигэнь походил на охотника, а Цю Юнсы – на ученого. Когда они вчетвером стояли вместе, то создавали довольно странное впечатление. После замечания экзорцисты отступили на несколько шагов назад, и вскоре солдаты начали над ними издеваться и называть «причудливыми подчиненными Ли Цзинлуна».

Все это вызвало волну издевательских смешков. В глазах Хунцзюня мелькнул гнев, но стоило ему сделать два шага вперед, как Мо Жигэнь надавил ему на плечо.

– Что ты делаешь? – спросил Цю Юнсы. – Не беспокойтесь о делах посторонних.

Мо Жигэнь, однако, ничего не сказал. Он просто достал медную монету и бросил ее А-Таю, тот поймал ее с лицом полным подозрений. Мо Жигэнь взял длинный лук с оружейной стойки, вытащил три стрелы и попробовал их в руках, затем встал посреди тренировочного поля.

В то же время Ли Цзинлун закончил подробный рассказ о событиях прошлой ночи, на лице Ху Шэна отпечатался ужас.

– То, что ты сказал… правда?! – спросил Ху Шэн.

– Что, думаешь, я подтвердил рассказы всех очевидцев прошлой ночи только для того, чтобы солгать тебе?

– Но это… просто невероятно! Хочешь сказать, эта лиса – одна из женщин из Иши Ланя?

– Эта лисица – яо, – холодно сказал Ли Цзинлун. – Также это женщина, которую ты частенько навещаешь, Цзинь Юнь.

– Чепуха! Ли Цзинлун, ты…

– Верить или нет – зависит от тебя. Я передаю яо тебе. Когда Ревизионная палата неизбежно займется делами пропавших из Иши Ланя людей с участием трех женщин, они рано или поздно выйдут на тебя.

Ху Шэн внезапно осознал серьезность проблемы: он был близок с Цзинь Юнь, и, хотя слухи об инциденте еще не распространились, старая хозяйка, слуги и девушки видели его в Иши Лане много раз, и Цзинь Юнь много раз рассказывала о нем другим. В ее комнате даже имелись саше и другие его подарки, так что он неизбежно стал подозреваемым в этом деле. И тактика Ли Цзинлуна затрудняла ему продвижение и отступление.

– Хорошо, маленький генерал Фэй[6], – неожиданно улыбнулся Ху Шэн. – Раньше я действительно был весьма легкомыслен по отношению к тебе.

Закончив говорить, он посмотрел на лису, в голове его промелькнуло много мыслей. Хотя он не знал, каковы были конечные цели[7] Ли Цзинлуна, исчезновение Цзинь Юнь – факт, высеченный на камне. Как только Ревизионная палата проведет расследование, его поместят под домашний арест, и это затруднит ему побег.

[6] См. четвертую сноску шестнадцатой главы

[7] Конечные цели (кит. □□□□□□□□) – букв. что за зелье (он) продает в кувшине-тыкве; обр. какие (у него) намерения, что (у него) в рукаве припрятано, что (он) задумал. Данное выражение связано с историей про хромого бессмертного, который носил с собой в тыкве-горлянке, как все думали, магическое зелье. Говорили, что оно могло вылечить любые болезни: слепоту, глухоту, немоту и др. Однажды богатый человек спросил бессмертного: «Что это у тебя за зелье в тыкве-горлянке? Если оно так прекрасно, почему ты не воспользуешься им сам?» бессмертный улыбнулся и сказал: «В моей тыкве вовсе нет никакого зелья. Она пуста». Сейчас это выражение используется, когда говорят о человеке, который что-то замышляет.

Если он скажет, что яо существуют и убьет лисицу прямо перед Ревизионной палатой, на этом все закончится. Более того, он мог бы воспользоваться этой возможностью, чтобы объяснить, что он помогал Ли Цзинлуну. Тогда у него появится оправдание его походов в бордель, и его не коснется обвинение по делу об общении с проститутками.

– Хорошо. – сказал Ху Шэн. – Если Ревизионная палата придет с обыском, то этот чиновник им все объяснит. После этого им, возможно, все равно придется отыскать тебя.

– Закрыть дело – мой долг, – небрежно сказал Ли Цзинлун. – Подожди, пока они начнут расследование.

Как раз в этот момент снаружи донесся шум, и Ли Цзинлун, нахмурившись, подошел к окну. Ху Шэн спросил:

– Ты кого-то из своих привел?

Ли Цзинлун быстро распахнул дверь и вышел наружу. Он увидел толпу людей на тренировочном поле, набитых так плотно, что яблоку негде было упасть. В центре стояли Мо Жигэнь и капитан, они соревновались в стрельбе из лука. Как только оседала пыль и стрела Мо Жигэня попадала в центр мишени, воцарялась такая тишина, что можно было услышать звук удара булавки о пол, но когда в цель попадал капитан, солдаты громко ликовали.

Когда они выпустили три стрелы, Мо Жигэнь вытащил еще три и, указав на А-Тая, громким и ясным голосом обратился к толпе:

– Стрельба по мишеням становится скучной, давайте переключим ее на моего младшего брата. Покажем несколько наших собственных навыков!

А-Тай держал в руке складной веер, на котором балансировала единственная медная монета. Мягко взмахнув рукой, он сказал:

– Вперед!

Медная монета взлетела и, когда она перевернулась, Хунцзюнь все понял и бросил метательный нож.

– Попади!

Нож рванул и со звоном ударился о монету, которая начала бешено вращаться. Под солнечным светом она стала маленьким сияющим шаром, летящим в угол тренировочного поля!

Капитан понял, что Мо Жигэнь планировал выстрелить в эту монету стрелой, но, как только он натянул лук, у него не было возможности проследить за траекторией полета, его руки неудержимо дрожали.

Вскоре после этого Хунцзюнь бросил еще один нож. Он отрикошетил от черепицы, а после ударил по медной монете второй раз, та громко загудела.

Наступила гробовая тишина. Третий метательный нож вырвался из рук Хунцзюня, останавливая падение медной монеты. После он ударил ее снова, но уже с другим звуком и отправил ее на много чжан в воздух!

– Теперь твоя очередь, – улыбнулся Хунцзюнь и отозвал ножи.

Мо Жигэнь уже давно натянул и приготовил свой лук, капитан тоже натянул лук и прицелился, пот стекал по лбу. Они оба одновременно подняли головы и посмотрели на монету, которая стала маленькой черной точкой в небе. Они ждали, когда цель начнет падать, чтобы они могли выпустить стрелы.

Медная монета поднималась все выше и выше, уголки губ Мо Жигэня приподнялись, но именно в это мгновение сбоку пролетела стрела, направленная прямо на монету. Наконечник пронзил квадратное отверстие в центре, и с характерным звуком стрела вонзилась в угол

тренировочного поля.

Тысячи людей, собравшихся во дворе, разом повернули головы и увидели Ли Цзинлуна с длинным луком в руках. Мужчина стоял плечом к плечу с Ху Шэном на верхней ступеньке лестницы в ямэнь[8].

[8] Ямэнь (кит. □□) – присутственное место в дореволюционном Китае. Официальное положение резиденции диктовало другие обязательные компоненты комплекса ямэнь: место для приёма посетителей, судейский зал, тюрьма, казначейство и оружейный склад.

– Пошли! – рявкнул Ли Цзинлун. – Сколько смысла в этом тщеславном соревновании в мастерстве?

Все его подчиненные убрали оружие и с важным видом последовали за адъютантом. Выражение лица Ли Цзинлуна было противоречиво, и весь путь обратно он ни слова не проронил. Даже Хунцзюнь почувствовал себя неловко.

Когда они вернулись в Отдел, Ли Цзинлун обратился к своим подчиненным:

– Вы – экзорцисты, естественно, вы гораздо более умелые, чем другие. Приятно ли побеждать в подобном соревновании?

Им всем было немного стыдно, но в глубине души они думали, не было ли это просто местью солдатам за то, что они сказали о тебе, но раз ты этого не хочешь, то пускай, ты можешь справиться с этим самостоятельно.

Тут Ли Цзинлун объявил:

– Начиная с сегодняшнего вечера, мы будем следить за казармами Лунъу, чтобы поймать

крупную рыбу.

– Хорошо!

– Слушаю и повинуюсь!

Цю Юнсы взглянул на экзорцистов, неуместно польстивших начальнику. Хунцзюнь просто почесал затылок и заулыбался.

Той ночью небо затянули черные тучи, и после того, как Ли Цзинлун рассказал им о событиях дня, он привел их в казармы Лунъу.

http://tl.rulate.ru/book/3616/89510